

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/23062061/9/4

И.А. Айзикова

ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

В статье анализируется постановка проблемы читателя и чтения и ее решения, предлагаемые первым русским романтиком В.А. Жуковским в его литературно-критических статьях. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в первой половине XIX в. Жуковским формировалась самостоятельная концепция чтения и русского читателя, в основе которой лежит глубокое проникновение поэта в природу художественного текста, а также его ведущая мировоззренческая и эстетическая идея жизнотворчества. Ключевые слова: В.А. Жуковский, читатель, чтение, литературная критика.

Статья Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича «Романтическая эстетика и критика В.А. Жуковского», представляющая том «Эстетика и критика» Полного собрания сочинений и писем писателя, открывается следующим утверждением: «Родоначальник русского романтизма, Жуковский выступил и как его теоретик, пропагандист и популяризатор, проявив себя на критическом, журналистском, издательском поприще. Его многочисленные эстетические конспекты, критические статьи, размышления об искусстве в письмах и дневниках, записи на полях книг из его библиотеки – богатейший материал для осмысления его вклада в русскую эстетику и критику» [1. С. 413]. Среди проблем, поднимавшихся поэтом в этой области, следует выделить как одну из важнейших проблему читателя, которая, при всей изученности вопроса о самом Жуковском как читателе¹, до сих пор не привлекала внимания исследователей.

---

¹ В первую очередь следует указать на многочисленные работы томских филологов, изучавших библиотеку В.А. Жуковского, – Ф.З. Кануновой, Н.Б. Реморовой, Э.М. Жиляковой, А.С. Янушкевича, О.Б. Лебедевой, Н.Е. Разумовой, И.А. Айзиковой, Н.Е. Никоновой. Однако как самостоятельная эта про-

Между тем проблема читателя приобретает особый смысл в русской культуре первой половины XIX в., что определялось ее переходом из культуры эпохи Просвещения в культуру эпохи романтизма, отходом от установки на просвещение и воспитание личности путем воздействия на нее извне, с помощью наук и искусств, и закреплением в общественном сознании идеи саморазвития, житнетворчества. Полное и глубокое осмысление эта проблема и поиски ее решения получили в литературной критике Жуковского, что, в свою очередь, позволяет по-новому, с точки зрения рецептивной эстетики, подойти к анализу критического наследия поэта¹. Кроме того, поиски Жуковского в области культуры чтения чрезвычайно созвучны нашему времени, также отмеченному веяниями переходности.

Уже в первой своей критической статье «О «Путешествии в Малороссию»», написанной в начале марта 1803 г. по поводу сочинения П.И. Шаликова, Жуковский подчеркивает актуальность и остроту проблемы читателя для своего времени. Вызвавшее единодушное «неприятие современников и насмешки критиков» [1. С. 451], это произведение было прочитано Жуковским совсем по-другому. И дело, думается, не в том, что он, как писал А.Н. Веселовский, «не разобрался в слащавой слезливости кн. Шаликова» [8. С. 49]. Жуковский, как и предполагал его друг Ан.И. Тургенев, посмотрел на этот текст с другой «точки зрения» [9. С. 422], продемонстрировав факт, следующим образом осмысленный современным исследователем: «...произведение не равно самому себе, и хотя текст словарно не изменчив, смысл произведения меняется, ибо рождается в процессе восприятия произведения читателем благодаря встрече его... опыта и жизненного опыта писателя» [10. С. 1].

Демонстрируя свой процесс чтения «Путешествия в Малороссию», Жуковский создает в статье своеобразную модель читателя, глубоко проникающего в авторский замысел и одновременно вступающего в сотворчество с ним в силу

блема не рассматривалась, она будет опущена и нами, так как требует специального изучения, выходящего за рамки данной статьи.

¹ О сочинениях В.А. Жуковского по эстетике и критике см.: [2], [3. С. 98–109], [4], [5] (разделы о Жуковском-критике), [6. С. 180–184], [7. С. 3–22], [1. С. 413–448] и др.

собственных культурных компетенций и художественного воображения. В статье запечатлен диалог сочинения и читателя как взаимодействие двух сознаний. Говоря словами Ю.М. Лотмана, текст, написанный Шаликовым, в процессе чтения его Жуковским «ведет себя как собеседник, в диалоге он перестраивается (в пределах тех возможностей, которые ему оставляет запас внутренней структурной неопределенности) по образцу аудитории, а адресат отвечает ему тем же – использует свою информационную гибкость для перестройки, приближающей его к миру текста» [11. С. 219–220].

Не углубляясь в оценку «Путешествия в Малороссию», подчеркнем, что Жуковскому явно удалось проникнуть в суть авторской – сентименталистской эстетики и поэтики, которая задает его определенную программу чтения. Статья начинается ясной и объективной формулировкой цели автора воспринимаемого текста: «При самом начале путешествия открывается цель автора. *Changeons de lieu pour nous dé faire du temps*, говорит он, и едет не с тем, чтобы описывать города и провинции, но с тем, чтобы уехать от времени, и если можно, увести читателя с собою» [1. С. 9].

В соответствии с авторской задачей Жуковский призывает читателей: «Не будем же искать в этой книге ни географических, ни топографических описаний... Автор думал об одном удовольствии читателя. Из отрывков его (сия книга составлена из отрывков), – попутно Жуковский-читатель фиксирует жанрово-родовую природу текста – его фрагментарность, характерную для сентименталистской прозы, – мы не узнаем, сколь многолюден такой-то город, могут ли ходить барки по такой-то реке и чем больше торгуют в такой-то провинции – мы будем бродить вместе с ним на крутой берег шумящего Днепра, последуем глазами за бурным течением реки, вздохнем близ могилы его друга, освещенной лучами заходящего солнца, и вместе с ним вспомним о прошедшем, которое невооруженно, которое быстро сокрылось и, может быть, унесло наше счастье» [1. С. 9].

Именно понимание шаликовской, сентименталистской, природы текста позволяет Жуковскому-читателю создать особое рецептивное пространство, внутри которого образуются новые идеи, образы и ассоциации, принадлежащие читателю, его художественному и мировоззренческому опыту. В рассматриваемой статье мы видим,

как перестраивается читатель в целях постижения авторского «мира текста» и как, в буквальном смысле слова, трансформируется сочинение Шаликова «по образу» адресата. Рассуждения о прочитанном органично переходят в пассажи читателя, дополняющие текст Шаликова и развивающие его в духе романтической эстетики и поэтики.

Так, пассаж о чувствительности развивает содержание этой центральной категории сентиментализма, понимаемой как некая заданная от рождения эмоциональная реакция человека на добро и зло, и сосредоточен на образе молодого человека-мечтателя «с пламенной душою», с «юным воображением», устремленным не в прошлое, а в будущее. Он переживает живое чувство, сложное и непредсказуемое, в котором соединены счастье, надежды, волнующие сердце желания «узнать, что готовится ему за таинственным покровом». Пассаж заканчивается любимой мыслью Жуковского о скоротечности жизни и о том, что человеку ничего не осталось бы в этом мире, когда бы он «заранее положил в гроб свое сердце».

Воображение читателя создает свои образы и идеи, так далеко уводящие его от авторского текста, что он силой воли принуждает себя вернуться к авторскому замыслу: «Но я, кажется, хотел говорить о путешествии господина Шаликова! Возвратимся к нему!» [1. С. 10]. Таким же «но», останавливающим воображение и творческий порыв читателя, заканчивается пассаж о «путешественнике с образованною душою» («Но я опять забыл свой предмет...»). Цитату из главы «Летний вечер в Малороссии» читатель продолжает собственным пейзажем летнего московского вечера, вновь написанным в соответствии с романтической эстетикой. Такое чтение, считает Жуковский, находится в полном соответствии с авторской задачей: «Я читал... *Путешествие* г. Шаликова с удовольствием». Одновременно таким образом, как считает комментатор статьи Жуковского в Полном собрании сочинений и писем, писатель «выражает ироническое отношение к объекту критики» [1. С. 452]. Одним словом, статья являет результат чтения не только как рецептивной, но и как конструирующей деятельности Жуковского-читателя. Сочинение Шаликова выступает дополненным, конкретизированным, т.е. прочтенным, причем читатель выходит за пределы того, что содержится в

сочинении Шаликова, и составляет его новое, романтическое содержание. Такова исходная модель концепции чтения, которую Жуковский будет расширять, дополнять, по существу, однако, ничего в ней меняя¹.

Концепция читателя наиболее полно была выражена в статьях Жуковского, написанных и переведенных им для «Вестника Европы» в 1808–1811 гг., в которых, как и во всех других материалах, публикуемых в журнале, утверждалось уже сформированное новое – романтическое отношение к человеку и миру. В ряде статей Жуковский, в кругу других принципиальных проблем, ставит вопрос о читателе и предлагает пути его решения.

Статья, открывающая первый номер «Вестника Европы», вышедший под редакторством Жуковского (1808), «Письмо из уезда к издателю» начинается изложением концепции русского современного читателя устами Стародума, героя-литературной мистификации, вызывающей ассоциации с героем комедии Фонвизина «Недоросль», на что указал еще П.А. Вяземский [12. Т. 1. С. 264]. Главным положением речи Стародума является мысль о том, что «русские любят читать». Проблема заключается в том, что они выбирают для чтения. Выбор произведений, с его точки зрения, определяется ложной целью: «...читают единственно для рассеяния... книгою обороняются от нападающей скуки» [1. С. 177]. Чтобы не быть голословным, Стародум приводит в пример газету «Московские ведомости», издававшуюся при Московском университете и информировавшую общество о литературной жизни, публиковавшую рекламные объявления книгопродавцов. Он называет и Никольскую улицу в Москве, считавшуюся центром книготорговли. И там и там, считает Стародум, активно насаждается чтение романов, «ужасных, забавных, чувствительных, сатирических, моральных», достоинство которых состоит «почти в одном великолепном названии, которым обманывают любопытство» [1. С. 177].

Вступая в полемику с Н.М. Карамзиным, приветствовавшим в статье 1802 г. «О книжной торговле и любви ко чтению в России»

---

¹ Вопрос о концепции чтения Жуковского также требует более полного и специального рассмотрения, представляя собой актуальнейшую научную проблему.

чтение романов: «...я радуюсь, лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению <...> Одним словом, хорошо, что наша публика и романы читает» [13. С. 178–180], Жуковский голосом Стародума ставит вопрос о пересмотре соотношения «полезного» и «приятного» в чтении литературы, романа в частности. Роману, настаивает герой Жуковского, жизненно необходимо отпочковаться от «сказок» и «романцев», обратиться к изображению действительности и выработать для этого новые художественные средства. Отметим, что именно в 1800-е гг., как указывает современный исследователь, «на повестку дня встала задача создания романа, соединяющего широту взгляда на мир с вниманием к жизни частного человека» [14. С. 33] (см. также: [15. С. 176–197], [16. С. 151–170], [17. С. 7–13] и др.).

Чтение романов, которые предлагаются русскому читателю и, по мнению Стародума, представляют собой «пустую пищу для ума, несколько минут, поведенных в забвении самого себя, без скуки и деятельности, совершенно потерянных для будущего, – то ли называете, государи мои, чтением?». С точки зрения героя, выступающего рупором идей автора статьи, чтение не может быть «посторонним делом, которое позволено пренебрегать; пока не будем уверены, что оно принадлежит к одним из важнейших и самых привлекательных обязанностей образованного человека, по тех пор не можем ожидать от него никакой существенной пользы, и романы – самые нелепые – будут стоять на первой полке в библиотеке русского читателя. Пускай воспитание переменит понятие о чтении! Пускай оно скажет просвещенному юноше: обращение с книгою prepares к обращению с людьми – и то и другое равно необходимы!». Называя книгу другом человека, Стародум, по характеристике его собеседников читатель с большим стажем, утверждает, что «в обществе мертвых друзей становишься достойнее живых – то и другое требует строго выбора!» [1. С. 177].

В своей речи герой излагает целую программу самовоспитания читателя: «Каждый день несколько часов посвяти уединенной беседе с книгою и самим собою; читать не есть забываться, не есть избавлять себя от тяжкого бремени, но в тишине и на свободе пользоваться благороднейшею частью существа своего – мыслью» [1. С. 177]. Такое понимание чтения как «торжественных минут

удединения и умственной деятельности», возвышения духом, озарения рассудка, приобретения внутренней свободы, «благородства и смелости» и утешения горестей органично вписывается в концепцию самосовершенствования, положенную Жуковским в основу «Вестника Европы» и своего творчества в целом и звучит чрезвычайно актуально и в наше время. «Читать с такой целью – действовать в уединении с самим собою для того, чтобы научить себя действовать в обществе с другими, – есть совершенствоваться, стремиться к тому высокому предмету, который назначен для тебя Творцом, час от часу более привязываться ко всему доброму и прекрасному...». С точки зрения Стародума, чтение – это большой труд и духовный подвиг: «Прочесть толстую книгу от доски до доски, не упуская ни на минуту продолжительной нити идей, и так, чтобы, закрыв ее, можно было дать самому себе отчет, какою дорогою дошел до последней мысли писателя, есть важный подвиг, на который... не всякий, привыкший к легким и приятным трудам, способен решиться» [1. С. 180].

Современный читатель, считает Стародум, далек «от такой благородной деятельности духа», так как превратил чтение в «ничтожное, унизительное рассеяние [1. С. 177]. Поскольку акт чтения, в понимании Стародума (Жуковского) – это двусторонний процесс: он организуется восприятием читателя, обладающего своим видением произведения, и текстовыми стратегиями автора, задающими «программу» чтения, постольку возможно «настроить» читателя на более высокий уровень диалога с литературой. Хороший журнал, с его точки зрения, мог бы, воспользовавшись «сильной охотой» русского человека читать, при «таком пестром выборе чтения» помочь читателю в определении его круга чтения, воспитывая в нем хороший художественный вкус предлагаемыми публикациями. Средств к тому множество: знакомство с «богатствами литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и где угодно; единственное условие – разборчивость» [1. С. 178].

Именно журнал, которому приходилось, как справедливо указывает Г.В. Зыкова, «добиваться признания самого права на

место в культуре» [18. С. 13]¹, который отвергался высокой литературой, потому что он во многом игнорировал ее нормы, отличаясь «энциклопедизмом» и отсутствием резкого разграничения художественной, научной, публицистической и т. д. прозы, и мог (подспудно) продвинуть словесность в ее развитии. Одновременно он мог развить литературные компетенции русского читателя, сформировать у него новые рецептивные ожидания и новую эстетическую реакцию на прочитанное путем трансформации старых, складывающихся из прежних представлений о жанрах, темах, формах, языке художественного произведения, наконец, привить ему вкус к чтению разной литературы – поэзии, прозы, сочинений на философские, политические, эстетические темы (последние три категории, по словам, Стародума, «требуют особенной зрелости от читателя» [1. С. 179]). Жуковский настаивает на необходимости изменения и внешних, и внутренних факторов, влияющих на качество чтения, он требует наращивания знаний читателя об окружающем мире и видит целесообразность формирования психологических предпосылок рецепции художественного текста, что позволяет углубить процесс чтения и сделать его более плодотворным.

Особую роль в воспитании читателя, в обучении его новым читательским практикам, что оказывается, в понимании Жуковского, обратной стороной развития словесности, он отводит литературной критике, в которой видит «суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное [1. С. 248]. Принимая во внимание мысль о том, что «каждый читатель есть сам по себе критик, ибо он думает и судит о том, что читает» [1. С. 248], в статье «О критике» 1809 г. Жуковский утверждает представление о критике как образце читательской компетенции, как об особой читательской стратегии, присущей «профессиональному читателю».

Выстраивая классификацию читателей, автор статьи выделяет два «рода»: «...одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются с темным и весьма беспорядочным о ней понятием – это происходит или от непривычки мыслить в связи, или от некоторой беспечности,

---

¹ Об участии Жуковского в «Вестнике Европы», кроме этой работы, см.: [19. С. 87–118], [20. С. 201–228], [21. С. 71–80].

которая препятствует им следовать своим вниманием за мыслями автора и разбирать впечатления, в них производимые красотами или недостатками его творения; другие читают, мыслят, чувствуют, замечают прекрасное, видят погрешности – и в голове их остается порядочное, полное понятие о том, что они читали» [1. С. 249]. Жуковский подчеркивает, что «кривые и косые» суждения о художественном произведении связаны не только с отсутствием вкуса, но и с его «испорченностью предубеждениями» (т.е. уже сложившимися читательскими ожиданиями).

Позицию критика определяет установка на аналитическое, критическое восприятие, т.е. способность на основе литературных норм адекватно оценивать художественный текст. Он «одарен от природы глубоким и тонким чувством изящного <...> чувство показывает ему красоту там, где она есть... рассудок определяет истинную цену ее и не дает ему ослепляться ложным блеском <...>. Он знает все правила искусства, знаком с превосходнейшими образцами изящного; но <...> в душе его существует собственный идеал совершенства» [1. С. 249–250]. Критик – это особый читатель, который обладает определенной степенью отстранения от воспринимаемого текста, благодаря которому у него появляется возможность особенного вхождения в художественный мир другого. Он способен не только переживать и осмысливать прочитанное, но и осмысливать свое переживание, в связи с чем способен быть «Ариадниною нитью» для читателей, «облегчая для них работу ума», соединяя и приводя в систему то, что «им представлялось без связи», давая возможность «сравнивать собственные понятия с чужими, более или менее основательными» и, главное, распространяя художественный вкус, т.е. «чувство и знание красоты в произведениях искусства» [1. С. 249]. Формирование художественного вкуса, считает Жуковский, напрямую связано с «нравственной образованностью» человека. В собственных статьях 1809–1811 гг. («О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «Московские записки», «Электра и Орест») и в более поздних, относящихся к 1840-м гг. («О стихотворениях И.И. Козлова», «Две сцены из “Фауста”», представлена именно такая позиция литературного критика.

Особый интерес представляют статья Жуковского «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (1810) и его рецензии

на переводы – «Новая книга: Училище бедных, сочинение госпожи Ле Пренс де Бомон. Перевод с французского Настасьи Плещеевой» (1808) и «Радамист и Зенобия», перевод трагедии Кребийона, выполненный С.И. Висковатовым (1810). Важным моментом в них является подтекстовое сравнение акта чтения с процессом перевода. Перевод осмысливается Жуковским именно как процесс прочтения текста на другом языке, и в том и в другом случае основой рецепции является заложенная в природе литературного произведения многозначность, источником которой, в свою очередь, является образность художественного мышления автора. Именно потому переводчик, как и читатель, квалифицируется Жуковским как соавтор. Не обращаясь к этой проблеме, требующей специального изучения, остановимся лишь на статье «Новая книга», в которой, в связи с размышлениями о просвещении крестьян и представителей третьего сословия, купцов, ремесленников, ставится вопрос о массовом читателе.

Констатируя тот факт, что «в России, со времени размножения школ, средства просвещения сделались общими – купцы, ремесленники, даже простые земледельцы начинают учиться, читают» [1. С. 185], Жуковский утверждает, что это «необходимо для человека во всяком состоянии, и может быть благотельно в самой хижине земледельца» [1. С. 185]. Однако, учитывая тяжелый физический труд мещан и земледельцев, почти не оставляющий им свободного («праздного») времени, Жуковский полагает, что круг их чтения должен быть соответствующим их образу жизни. Он утверждает, что в этот круг должны входить только «прямо полезные» книги, обеспечивающие знакомство с «простыми понятиями чистой морали, весьма необширными... некоторыми приятными чувствами, которые, трогая сердце и оставляя в нем следы неизгладимые, делают его добрее и чище; точнейшими сведениями о тех вещах, которые принадлежат к особенному званию каждого – напр<имер> для ремесленника о его ремесле, для земледельца о земледелии» [1. С. 186].

Проблема заключается в том, считает Жуковский, что таких специально написанных для читателя из народа книг, учитывающих взаимосвязь его специфического сознания и культурного уровня и замысла автора, в России практически нет. Нет и писателей, «которые захотели бы жертвовать талантом своим такому кругу

людей, которых одобрение не может быть удовлетворительно для авторского самолюбия» [1. С. 187].

Именно закрытость имеющихся произведений для понимания малообразованными читателями заставляет их, даже научившихся в училищах читать, отказываться от чтения или приучает к поверхностному чтению, не сопровождающемуся пониманием и переживанием прочитанного, т.е. диалогом с текстом, или, что несколько не лучше, «обременяет» «голову понятиями, для них ненужными, нередко весьма вредными. Напр<имер>, какую пищу найдет простолюдин в истории, представляющей ему такие происшествия, в которых ему несвойственно принимать участия? Романы, привлекательные для светского человека, именно потому, что он находит в них ту самую сцену, на которой и сам играет какую-нибудь роль, знакомят простолюдина с людьми, отдаленными от него званием, обычаями, образованностью; воображение переносит его в такой мир, из которого навсегда он исключен судьбою; невольно делает сравнение... и, может быть, научается не уважать себя в ограниченном своем состоянии. То же почти можно сказать и о других книгах, которые или писаны языком слишком высоким для людей, привыкших выражаться просто, или рассуждают о предметах, им чуждых» [1. С. 187].

Продолжая размышлять о «библиотеке поселян, ремесленников и им подобных», Жуковский предлагает примерный ее состав, в который должны войти *Катехизис морали, Общие понятия о натуре, о главных ее законах, о некоторых явлениях небесных, Энциклопедия ремесленников и земледельцев, Повести и сказки* (как «необходимое дополнение к *Катехизису морали*»), *Общие правила, как сохранять свое здоровье, народные стихотворения*. Учитывая читательский адрес, писатель советует авторам использовать простой, «без витийств» язык, рассуждения сопровождать примерами, «взятыми из жизни тех людей, для которых» они предлагаются; теорию излагать ясно и кратко; стихи писать так, чтобы чувства читателей становились нежнее, а мысли «приобрели бы некоторую живость» [1. С. 188]. Переведенная А.И. Плещеевой книга «Училище бедных», по мнению Жуковского, «может занять в себе все главные правила практической морали, сделанной искусством автора привлекательною для таких людей, которые

вообще или не любят читать, или читают одни пустые сказки» [1. С. 189]. Статья заканчивается словами благодарности и автору, и переводчице, посвятившим «общей пользе» часть своей жизни¹.

Таковы основные вопросы о читателе, поднимаемые Жуковским в его литературно-критических статьях, и их решения, предлагаемые писателем. Изучение этого материала в аспекте названной проблематики убеждает в том, что в первой половине XIX в. первым русским романтиком успешно формировались самостоятельная концепция чтения и русского читателя современной Жуковскому эпохи, а также общая типология читателя, верхний уровень которой отводился литературному критику, способному стать посредником между писателем и читателем. В основе этих концепций лежит, с одной стороны, глубокое проникновение Жуковского в природу художественного текста, восприятие которого предполагает обязательный диалог произведения с читателем, а с другой – ведущая мировоззренческая и эстетическая идея жизнетворчества, определявшая творческую и духовную деятельность писателя на протяжении всей его жизни и оказавшая решающее влияние на переход русской культуры их эпохи Просвещения в эпоху романтической философии, этики и эстетики. Размышления Жуковского о читателе отчетливо показывают тенденции дальнейшего развития и литературы, и ее читательского восприятия.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 12: Эстетика и критика. М., 2012.
2. Сакулин П.Н. Взгляд Жуковского на поэзию. М., 1902.
3. Белоруссов И.М. Зачатки литературной критики: Жуковский // Филологические записки. Воронеж, 1891. Вып. 2. С. 98–109.
4. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX в. М.; Л., 1959.
5. Кулешов В.И. История русской критики. М., 1972.
6. Курилов А.С. Теория критики в России XVII – начала XIX века // Проблемы теории литературной критики. М., 1980. С. 180–184.

---

¹ В статье «Писатель в обществе» (1808) подспудно Жуковский рассуждает о не менее сложных отношениях писателя и читателей из светского общества, отличающихся «образованностью, саном, происхождением», «разборчивым вкусом», привыкших раздавать награды талантам, но часто подчиняющих свои вкусы и оценки моде и общественному мнению.

7. Прозоров Ю.М. Литературно-критическое творчество В.А. Жуковского // В.А. Жуковский-критик. М., 1985. С. 3–22.
8. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
9. Вацуро В.Э., Виролайнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987.
10. Ковылкин А.Н. Читатель как теоретико-литературная проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2004.
12. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
13. Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. М.; Л.: 1964. Т. 2.
14. Рублева Л.И. Романы В.Т. Нарезного: традиции и новаторство. М., 2002.
15. Лотман Ю.М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997.
16. Манн Ю.В. У истоков русского романа // Вопросы литературы. 1983. № 5.
17. Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX веков: Проблемы истории и поэтики. М., 2002.
18. Зыкова Г. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
19. Галахов А.Д. В.А. Жуковский: (Материалы для определения его литературной деятельности) // Отечественные записки. 1863. Т. 91, № 12, отд. 2.
20. Гиппиус В.В. «Вестник Европы» 1802–1830 годов // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 46, вып. 3.
21. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.

THE PROBLEM OF THE READER IN V.A. ZHUKOVSKY'S LITERARY CRITICISM.

Text. Book. Publishing, 2015, 2 (9), pp. 44–58. DOI: 10.17223/23062061/9/4

Ayzikova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; reader; reading; literary criticism.

One of the issues Zhukovsky, a literary critic, raised was a major problem of the reader. Despite the previous studies of Zhukovsky as a reader, the general aspect of the problem has still not attracted the attention of researchers. Meanwhile, the problem of the reader acquires a special significance in the Russian culture of the first half of the 19th century, which is determined by the culture transition from that of the Enlightenment to the culture of the Romantic era, by the change of orientations from education and upbringing of the individual by the outside influence of the arts and sciences to the idea of self-development, creative life. The literary criticism of Zhukovsky contains a very full and deep understanding of the problem as well as the search for its solution, which, in turn, allows a new approach, in terms of receptive aesthetics, to the analysis of the critical legacy of the poet. In addition, Zhukovsky's search in the culture of reading is extremely in tune with our time, also marked with trends of transition. The analysis of Zhukovsky's literary and critical articles shows that in the first half of the 19th century the first Russian

romanticist successfully formed independent concepts of contemporary reading and the Russian reader, as well as the general typology of the reader, with the literary critic, a potential mediator between the writer and the reader, at the top of the typology. The concepts are based on Zhukovsky's deep penetration into the nature of a literary text, the perception of which requires a mandatory dialogue of the text with the reader, as well as on the leading ideological and aesthetic idea of a creative life. This idea defined the creative and intellectual activities of the writer throughout his life and decisively influenced the transition of the Russian culture of the Enlightenment to the era of Romantic philosophy, ethics and aesthetics. Zhukovsky's reflections about the reader clearly show trends of further development of literature and its reader's perception.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.* [Complete Works. In 20 vols.]. Vol. 12. Moscow.
2. Sakulin, P.N. (1902) *Vzglyad Zhukovskogo na poeziyu* [Zhukovsky's view of poetry]. *Vestnik vospitaniya*. 5.
3. Belorussov, I.M. (1891) *Zachatki literaturnoy kritiki: Zhukovskiy* [The beginnings of literary criticism: Zhukovsky]. *Filologicheskie zapiski*. 2. pp. 98-109.
4. Mordovchenko, N.I. (1959) *Russkaya kritika pervoy cheverti XIX v.* [Russian Criticism of the Early 19th Century]. Moscow; Leninrad: AS USSR.
5. Kuleshov, V.I. (1972) *Istoriya russkoy kritiki* [The History of Russian Criticism]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Kurilov, A.S. (1980) *Teoriya kritiki v Rossii XVII – nachala XIX veka* [The theory of criticism in Russia of the 17th – early 19th centuries]. In: Nikolaev, P.A. & Chernets, L.V (eds) *Problemy teorii literaturnoy kritiki* [Problems of the theory of literary criticism]. Moscow: Moscow State University. pp. 180-184.
7. Prozorov, Yu.M. (1985) *V.A. Zhukovskiy-kritik* [V.A. Zhukovsky – literary critic]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 3-22.
8. Veselovsky, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voo-brazheniya"* [V.A. Zhukovsky. Poetry of Feeling and Heart Imagination]. St. Petersburg.
9. Vatsuro, V.E. & Virolaynen, M.N. (1987) *Pis'ma Andreyu Turgenevu k Zhukovskomu* [Letters from Andrey Turgenev to Zhukovsky]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka.
10. Kovylkin, A.N. (2007) *Chitatel' kak teoretiko-literaturnaya problema* [The reader as a literary-theoretical problem]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Lotman, Yu.M. (2004) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo.
12. Vyazemskiy, P.A. (1878–1896) *Polnoe sobranie sochineniy. T. 1–12* [Complete Works. Vols. 1–12]. St. Petersburg.
13. Karamzin, N.M. (1964) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
14. Rubleva, L.I. (2002) *Romany V.T. Narezhnogo: traditsii i novatorstvo* [Novels by V.T. Narezhny: Traditions and Innovations]. Moscow: Prometei.
15. Lotman, Yu.M. (2005) *O russkoy literature: Stat'i i issledovaniya (1958–1993). Istoriya russkoy prozy. Teoriya literatury* [About Russian literature: Articles and Research (1958–1993). The History of Russian Prose. Theory of Literature]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.

16. Mann, Yu.V. (1983) U istokov russkogo romana [The sources of the Russian novel]. *Voprosy literatury*. 5.
17. Sakharov, V.I. (2002) *Russkaya proza XVIII–XIX vekov. Problemy istorii i poetiki* [Russian Prose of the 18th–19th centuries. Problems of History and Poetics]. Moscow: Institute of World Literature, RAS.
18. Zyкова, G. (1998) *Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy» (1805–1830 gg.): raznochintsy v epokhu dvoryanskoy kul'tury* [Moscow University Journal *Herald of Europe* (1805–1830): Proletariats in the era of aristocratic culture]. Moscow: Dialog-MGU.
19. Galakhov, A.D. (1863) V.A. Zhukovskiy (Materialy dlya opredeleniya ego literaturnoy deyatel'nosti) [V.A. Zhukovsky (Materials to determine his literary activity)]. *Otechestvennye zapiski*. 91(12).
20. Gippius, V.V. (1939) “Vestnik Evropy” 1802–1830 godov [*Herald of Europe* in 1802–1830]. *Uch. zap. Leningradskogo gos. un-ta*. 46(3).
21. Yanushkevich, A.S. (1985) *Etapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V.A. Zhukovskogo* [The Milestones and Challenges of Zhukovsky's Creative Evolution]. Tomsk: Tomsk State University.